

Содержание

Предисловие	7
1. Преданная Польша	14
2. Ни мира, ни войны	39
3. Блицкриги на Западе	58
4. Британия в одиночестве	94
5. Средиземноморье	121
6. Barbarossa	159
7. Москва спасена, Ленинград вымирает	186
8. Америка вступает в войну	204
9. Краткое торжество Японии	224
10. Маятник фортуны	253
11. Королевский флот	298
12. Пещь огненная: Советский Союз в 1942 году	331
13. Жизнь во время войны	356
14. События в Африке	395
15. Медведь пробуждается: СССР в 1943 году	417
16. Раскол в империи	435
17. Дальний Восток	465
18. Италия: большие надежды, жалкий итог	480
19. Война в небе	511
20. Жертвы	539
21. Поле битвы — Европа	569
22. Япония: вопреки судьбе	604

23. Германия в осаде	625
24. Падение Третьего рейха.....	647
25. Поверженная Япония.....	686
26. Победители и побежденные.....	707
Примечания и ссылки на источники цитат	732
Карты	768
Благодарности	769
Библиография.....	770
Предметно-именной указатель.....	782

Предисловие

Эта книга пытается рассказать о войне с точки зрения не государства, а человека. Мужчины и женщины множества стран мучительно искали слова, чтобы описать случившееся с ними в пору Второй мировой войны, ибо это не укладывалось ни в какой их прежний опыт. Многие прибегали к клише «ад разверзся». Поскольку эта фраза постоянно встречается в рассказах очевидцев о сражениях, воздушных налетах, резне, гибели на тонущем корабле, следующие поколения порой пожимают плечами: мол, банальность. Но эти слова точно передают суть случившегося с сотнями миллионов людей, вырванных из привычного, упорядоченного существования. Их тревоги и мучения длились годами, по меньшей мере для 60 млн человек тяжкие испытания закончились смертью. Ежедневно с сентября 1939 г. по август 1945 г. в охватившем всю планету сражении погибало в среднем 27 000 человек. Многие уцелевшие обнаружили, что позиция, которую они заняли в этом конфликте, определила их положение в обществе до конца жизни — кому-то во благо, кому-то во вред. Воины-победители были окружены ореолом славы и смогли сделать карьеру в правительстве или бизнесе. Но и через 30 лет после победы у стойки бара в лондонском клубе ветеран гвардии мог отпустить замечание насчет известного политика-консерватора: «Смит парень неплохой, да жаль, с передовой дезертировал». Голландская девочка в 1950-е гг. подмечала, как ее родители сортируют соседей в зависимости от их поведения в пору немецкой оккупации.

Английские и американские солдаты были потрясены тяготами и потерями 1944/45 г. на северо-западе Европы: кампания затянулась на 11 месяцев. Но русские воевали с немцами без малого четыре года в гораздо более страшных условиях и несли значительно более тяжелые потери*. Некоторые народы, практически не принимавшие участия в боевых действиях, тем не менее понесли бóльшие потери, чем западные союзники: оккупированный японцами Китай с 1937 по 1945 г. недосчитался по меньшей мере 15 млн человек; Югославия, где к оккупации

* В книге слово «потери» используется в техническом военном смысле и обозначает как убитых солдат, так и раненых, взятых в плен и пропавших без вести. В наземных операциях на большинстве театров войны на одного убитого приходится в среднем трое раненых.

присоединилась гражданская война, похоронила более миллиона. Многие люди стали свидетелями сцен, которые прежде являлись художникам Возрождения картинами ада, где терзаются грешники: разорванные на части тела, клочья плоти и осколки костей; разрушенные в щебень и прах города; государства, распавшиеся в анархии на отдельные человеческие частицы. Почти все, что цивилизованные люди в мирную пору принимают как должное, было сметено этим ураганом, и прежде всего уверенность, что современному человеку, законопослушному гражданину, не грозит насилие.

Невозможно вместить в один том все события этой войны, крупнейшего потрясения в нашей истории. Поскольку я уже посвятил восемь книг отдельным событиям Второй мировой, на этот раз я старался не повторять ни те примеры, ни анализ крупных операций. Например, поскольку в «Немезиде» (Nemesis) отдельная глава посвящена атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, казалось лишним возвращаться к своим же прежним рассуждениям. Эта книга выстроена в хронологическом порядке, я старался нарисовать «общую картину», контекст событий, чтобы читатель мог себе представить в целом, что происходило с 1939 по 1945 г. Основной же своей задачей я считаю показать, как отразился этот конфликт на жизни обычных людей из разных стран — и активных, и пассивных участников событий. Впрочем, грань между активным и пассивным участием быстро стиралась. К примеру, на какой счет занести женщину из Гамбурга, пламенно поддерживавшую Гитлера и погибшую в июле 1943 г. под бомбами союзников: была ли она соучастницей преступлений наци или невинной жертвой войны?

Поскольку меня в первую очередь интересовали судьбы людей, я опускал, где это было возможно без нарушения связности повествования, названия и номера подразделений и описания маневров. Даже карты в этой книге скорее «импрессионистские», чем научные, и на фотографиях представлены обычные люди, а не полководцы. Я хотел создать некий обобщенный портрет войны, а в «стратегических» разделах описать те события, которым мало внимания уделил в других книгах и о которых следовало бы сказать больше: например, я подробно останавливаюсь на политических поисках Индии, сократив разговор о других вопросах, которые давно уже исследованы и исчерпаны, — таких как Пёрл-Харбор и битва за Нормандию.

Геноцид евреев представляет собой наиболее последовательное воплощение нацистской идеологии. Я писал в «Армагеддоне» (Armageddon) о мучениях заключенных концлагерей, поэтому сейчас постарался разобрать историю холокоста с точки зрения проводимой

Гитлером политики. Слишком часто приходится слышать на Западе мнение, будто вся война была ради евреев или даже из-за евреев, и необходимо опровергнуть это заблуждение. Хотя Гитлер и его приспешники валили на евреев вину за все европейские неурядицы и несчастья Третьего рейха, на самом деле Германия боролась с союзниками за безраздельное господство в Северном полушарии. Страдания еврейского народа под властью нацистов оставались почти незаметными для Черчилля и Рузвельта, не говоря уж о Сталине. В итоге оказалось, что каждый седьмой погибший от рук нацистов, каждая десятая жертва войны — еврей. Но в ту пору преследования евреев казались союзникам лишь сопутствующими потерями, и русские до сих пор относятся к холокосту именно так. Уже в пору войны те евреи, которые понимали весь ужас происходящего, были возмущены таким равнодушием Запада к судьбе их единоверцев, и это неугасимое негодование мощно проявилось в послевоенной политике. Однако нужно понимать, что в период с 1939 по 1945 г. союзников гораздо больше беспокоила угроза, которую действия оси представляли для их собственных государств, хотя Черчилль и умел облагородить эти политические задачи и вдохновить своих людей.

Нужно понимать: и войну, и любые другие глобальные события люди способны воспринимать лишь с точки зрения собственных обстоятельств. И если объективно, на основании статистики, мы могли бы доказать, что такие-то личности страдали отнюдь не так ужасно, как их современники в иной части мира, для самих пострадавших эти цифры — ничто. Кто бы посмел утешать английского или американского солдата под минометным обстрелом, среди трупов товарищей, примерами гораздо более тяжелых испытаний русских воинов? Изголодавшийся француз или даже английская домохозяйка, не знающая, как разнообразить скудный и скучный рацион, приняла бы за обиду назидательный рассказ о том, как в осажденном Ленинграде люди поедают друг друга или как в не дождавшейся урожая Западной Бенгалии продают в рабство дочерей. И мало кого из перенесших блиц в Лондоне 1940/41 г. утешила бы мысль, что японцам предстоят гораздо большие потери в результате американских бомбежек, беспрецедентные разрушения городов. Право и обязанность историка — выстроить те справедливые пропорции, которые скрыты от непосредственного участника событий. Почти все, кто жил в те времена, так или иначе пострадали от войны, и основным сюжетом книги как раз и стали различные виды и масштабы этого страшного опыта. Но мысль, что другим людям приходится хуже, чем тебе, не так уж укрепляет стоицизм. Иные аспекты

военной жизни затрагивали всех или почти всех: страх, горе, призыв на военную службу и принудительные работы. Множество молодых людей отправлялись навстречу новому существованию, бесконечно далекому от того, какое они сами бы для себя выбрали: кто служить с оружием в руках, кто надрываться от непосильного физического труда, многих попросту превращали в рабов. Еще одно трагическое и повсеместно распространенное явление: проституция. Ему можно было бы посвятить отдельную книгу.

Война спровоцировала массовые миграции, отчасти упорядоченные — так, половина населения Великобритании эвакуировалась или переехала в поисках работы; американцы также отправлялись на военные заводы и в доки в далекие от их дома штаты. Но миллионы и миллионы людей были насильственно вырваны из привычной обстановки и прошли через чудовищные мучения, которые многим стоили жизни. «Странные времена, — записывала 22 апреля 1945 г. оставшаяся безмянной жительница Берлина, автор одного из самых впечатляющих дневников войны. — Мы непосредственно соприкасаемся с историей, с тем, что должно стать сюжетом еще не написанных книг и неспетых песен. Но с такого близкого расстояния история пугает. Сплошные тяготы и страхи. Завтра пойду рвать крапиву и собирать уголь».

Боевой опыт — тоже разный в зависимости от страны и даже от рода войск. В армии наибольшему риску и тяжелым испытаниям подвергались пехотинцы, а миллионы, служившие в тыловых частях, оставались в сравнительной безопасности. В американской армии процент невозвратных потерь составил ровно пять человек на тысячу мобилизованных; для подавляющего большинства служба в армии оказалась не опаснее «гражданки». За годы войны 17 000 американских раненых лишились конечностей, но за этот же период без ног или без рук в результате несчастных случаев осталось 100 000 американских рабочих. Конечно, в пору поражений сражаться было и тягостнее, и опаснее, чем в пору побед; у тех солдат союзников, которые вступили в строй лишь в 1944-м или даже в 1945 г., по статистике, шансы на выживание оказались гораздо выше, чем у летчиков или экипажей подводных лодок, защищавших западные страны в первые грозные годы.

В своей книге я старался воссоздать историю войны «снизу», усилить голоса «маленьких людей», а не знаменитостей. О полководцах Второй мировой я достаточно написал в других трудах. Дневники и письма раскрывают нам, что люди делали или что делали с ними, однако редко передают их мысли и чувства — это материя ускользающая, но тем более интересная. Очевидное объяснение: авторы писем, солдаты,

были молоды, незрелы, они переживали крайнюю степень возбуждения, ужаса, опасности, однако очень немногим хватало душевных сил на размышление: непосредственное окружение, сиюминутные желания и потребности поглощали все внимание.

И лишь горстка людей — руководители государств, верховные военачальники — видела что-то за пределами своей линии обзора. Гражданские лица существовали в плотном тумане пропаганды и общей неопределенности, и едва ли этот туман так уж качественно отличался в Британии или США от Германии или России. Сражавшиеся на передовой могли судить об успехах своей стороны и противника, главным образом подсчитывая убыль товарищей и проверяя, вперед движется их часть или назад. Но и эти показатели порой подводили: батальон, в котором служил Эрик Диллер, во время Филиппинской кампании был отрезан от основных сил и 17 дней сражался в окружении, однако солдат так и не понял, что за катастрофа грозила ему и его товарищам, и лишь после войны это объяснил ему бывший командир.

Даже те, кто имел доступ к военным тайнам, обладали только фрагментами огромной мозаики. Например, Рой Дженкинс, впоследствии член британского правительства, тогда занимался расшифровкой немецких сигналов. Он и его коллеги понимали важность и срочность своей работы, однако, что бы нам ни показывали задним числом в шпионских кинофильмах, сотрудникам Блетчли-парка никто не докладывал о результатах и последствиях их трудов. На другой стороне ограничения доступа к информации действовали, что неудивительно, еще более жестко. В январе 1942 г. Гитлер пришел к выводу, что в Берлине слишком много людей слишком много знают, и постановил, что даже офицеры абвера должны получать информацию, только необходимую для их работы. Им запрещалось слушать вражеские радиопередачи — серьезное неудобство для разведслужбы.

Огромный интерес лично для меня представляет сложный комплекс лояльностей и симпатий, складывавшийся в разных частях мира. В англичанах и американцах прочно укоренена вера в то, что наши родители и деды сражались «за справедливость», и мы забываем, что многие другие народы воспринимали противостояние отнюдь не столь однозначно. Жители колоний, в особенности 400 млн индийцев, не видели особого смысла бороться против оси, если и после победы над этим врагом они останутся в подчинении у Великобритании. Многие французы доблестно сражались против западных союзников. В Югославии враждующие партии были поглощены задачей истреблять друг друга и гораздо меньше служили интересам союзников или оси. Многие подданные

Сталина воспользовались немецким нашествием для того, чтобы выступить с оружием в руках против ненавистного кремлевского режима. Все эти оговорки никак не умаляют права союзников на заслуженную и выстраданную победу, но нужно понимать, что даже Черчилль и Рузвельт не всюду задавали тон.

Имеет, вероятно, смысл сказать несколько слов о том, как складывалась эта книга. Сначала я перечитал Герхарда Вайнберга «Мир на войне» (A World at Arms) и «Тотальную войну» (Total War) Питера Калвокоресси, Гая Уинта и Джона Причарда — две лучшие, на мой взгляд, монографии, посвященные Второй мировой. Затем я набросал план повествования, выстроив в хронологической последовательности основные события, и нарастил на скелет плоть — рассказы очевидцев и собственные размышления. Написав черновик, я обратился к другим известным историкам, перечитал Ричарда Овери «Почему союзники победили» (Why the Allies Won), Аллана Миллета и Уильямсона Мюррея «В этой войне нужна победа» (There's a War to be Won) и Майкла Берли «Моральное противостояние» (Moral Combat) и пересмотрел некоторые мои комментарии и выводы в свете этих новейших работ.

По возможности я предпочитал малоизвестные свидетельства тем, которые давно и заслуженно обрели популярность — так, я не включил в текст воспоминания Ричарда Хиллари «Последний враг» (The Last Enemy) и Джорджа Макдональда Фрейзера «На безопасных квартирах» (Quartered Safe out Here). Исследователь и переводчик Люба Виноградова, помогавшая мне с русскими материалами на протяжении более десяти лет, подобрала новые личные свидетельства, письма и дневники для этой книги. Серена Сиссонс перевела сотни страниц из итальянских мемуаров и дневников: мне казалось, что в англоязычной литературе недостаточно представлена судьба страны при Муссолини. Я рылся в неопубликованных польских рукописях в архивах Военного музея войны и лондонского Института Сикорского. В очередной раз меня выручила доктор Тами Биддл из Военного колледжа армии США в Карлайле (Пенсильвания), щедро поделившись со мной своими документальными находками и мыслями. Многие друзья, в том числе профессор Майкл Ховард, доктор Уильямсон Мюррей и Дон Берри, прочли черновой вариант книги и внесли множество ценных поправок, предложений и советов. Старейшина историков британского флота, оксфордский профессор Николас Роджер, прочел и прокомментировал главу о морских сражениях, в которых участвовали англичане, и это пошло моему тексту весьма на пользу. Ричард Фрэнк, известный американский историк, специализирующийся на Тихоокеанском регионе, обнаружил в моем

черновике изрядное количество серьезных ошибок, за что я ему глубоко благодарен. Разумеется, никто из этих консультантов и первых читателей не несет ответственность ни за мои недочеты, ни за мои мнения.

Когда историк берется писать о войне спустя без малого семь десятилетий после ее окончания, он может надеяться в лучшем случае передать свой личный взгляд, но никак не воссоздать точную и всеохватывающую картину величайшего и ужаснейшего события, которое и поныне внушает исследователям страх и трепет и смиренное чувство благодарности за то, что мы от подобного избавлены. В 1920 г., когда полковник Чарльз Репингтон, военный корреспондент *Daily Telegraph*, опубликовал ставшую бестселлером повесть о только что завершившемся конфликте, многие сочли зловещим и бестактным название «Первая мировая война», ведь оно предполагало дальнейшую нумерацию. Назвать эту книгу «Последняя мировая война» значило бы искушать судьбу, хотя по крайней мере есть безусловная уверенность в том, что никогда более миллионы вооруженных людей не сойдутся в сражениях на полях Европы, как это было в 1939–1945 гг. Конфликты грядущего будут проходить в ином формате, и я позволю себе, не будучи оптимистом, все же предположить, что они будут не столь ужасны.

Макс Хейстингс

Чилтон Фолиат (Беркшир) и Камоги (Кения), июнь 2011 г.

Преданная Польша

Хотя Адольф Гитлер был решительно настроен на войну, вторжение в Польшу в 1939 г. не предвещало с неизбежностью глобальный конфликт — не более чем убийство австрийского эрцгерцога Фердинанда в 1914 г. У Британии и Франции не доставало и воли, и ресурсов, чтобы на деле добиться выполнения гарантий безопасности, предоставленных в свое время полякам. Эти страны объявили Германии войну, однако то была пустая жестуляция, и даже среди противников нацизма многие считали эту декларацию глупой, ибо ее невозможно было осуществить на деле. Для всех, кто вступил в эту войну на стороне поляков, за исключением самих поляков, события разворачивались чрезвычайно медленно, и лишь на третьем году тотальная смерть и разрушение достигли пика и бушевали вплоть до 1945 г. Даже Третий рейх поначалу не был готов к борьбе не на жизнь, а на смерть между самыми могущественными государствами мира.

Летом 1939 г. огромный интерес в Польше вызвал роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» — повесть о Гражданской войне и гибели старого уклада на американском Юге. «Мне эта книга показалась пророческой»¹, — писала одна из польских читательниц Рула Лангер. Ее соотечественники ощущали неотвратимо надвигавшееся столкновение с Германией: Гитлер откровенно заявлял о своем намерении захватить Польшу. Поляки, неистовые патриоты, реагировали на эту угрозу так же, как обреченные на гибель юные конфедераты образца 1861 г. «Как все мы, я верил в хеппи-энд, — вспоминал бывший летчик-истребитель. — Мы хотели сражаться, нас возбуждала мысль о борьбе, чем раньше, тем лучше. Мы не верили, что с нами может случиться настоящая беда»². Когда лейтенант запаса Ян Карский (ему предстояло служить в артиллерии) получил 24 августа мобилизационное предписание, сестра отсоветовала ему брать с собой теплую одежду. «Ты же не в Сибирь отправляешься, — заметила она. — Месяца не пройдет, как ты снова явишься к нам»³.

Поляки дали волю своей безудержной склонности к фантазии и хвастовству. Они весело болтали в кафе и барах Варшавы — города, чья

барочная красота и два десятка театров позволили полякам провозгласить свою столицу Парижем Восточной Европы. Репортер *The New York Times* писал: «Послушать, о чем тут люди болтают, вообразишь, что великая индустриальная держава не Германия, а Польша»⁴. Министр иностранных дел Италии и по совместительству зять Муссолини граф Галеаццо Чиано предупреждал польского посла в Риме, что, воспротивившись территориальным претензиям Гитлера, его страна обречет себя на борьбу в одиночестве и «вскоре превратится в грудку развалин»⁵. Посол напрямую не спорил, но выразил расплывчатую надежду на «какой-нибудь счастливый случай», который добавит его стране сил. В Британии принадлежавшие лорду Бивербруку газеты осуждали польский гонор перед лицом гитлеровской угрозы как «провокационный».

Тридцатимиллионный народ, в составе которого насчитывалось без малого миллион этнических немцев, 5 млн украинцев и 3 млн евреев, прожил в границах, установленных Версальским договором, всего 20 лет. В 1919–1921 гг. Польше пришлось отражать большевистский поход, чтобы утвердить свою независимость после полуторазекового владычества России. К 1939 г. в стране установилось правление военной хунты. В оправдание режима историк Норман Дэвис пишет: «Трудности и несправедливость в Польше, конечно, отмечались, но не было массового голода и массовых убийств, как в России, не применялись бесчеловечные методы фашизма или сталинизма»⁶. Наиболее уродливым проявлением польского национализма стал антисемитизм, выразившийся в том числе в процентной норме для поступающих в университет евреев. С точки зрения как Берлина, так и Москвы Польша возникла в результате навязанного Антантой передела мира и не имела ни малейшего права на существование. В секретном протоколе к Пакту Молотова — Риббентропа, подписанному 23 августа 1939 г., Гитлер и Сталин договорились разделить Польшу и уничтожить ее суверенитет. Поляки же, хотя и считали Россию своим историческим врагом, понятия не имели об этих планах Советского Союза и беспокоились только о германской угрозе. Они понимали, что плохо экипированная польская армия не сможет противостоять вермахту, и возлагали все надежды на поддержку англичан и французов: второй фронт на Западе расколол бы силы немцев. «Учитывая безнадежное военное положение Польши, — писал посол этой страны в Лондоне граф Эдвард Рачинский, — я прежде всего хотел убедиться, что мы не окажемся вовлечены в войну с Германией, не обеспечив себе неотложную помощь союзников»⁷.

В марте 1939 г. Британия и Франция предоставили гарантии, которые затем были оформлены как союзнический договор: если Германия

нападет на Польшу, они вступят в войну. Если эта беда случится, сулила военному руководству Варшавы Франция, французская армия будет мобилизована и не позднее чем через тринадцать дней атакует гитлеровскую линию Зигфрида. Британия, со своей стороны, обещала сразу же начать бомбардировку Германии. С удивительным цинизмом давались подобные обещания, ведь ни та, ни другая страна не собиралась выполнять свои обязательства: им хотелось лишь отпугнуть Гитлера, а не помогать на деле Польше. То были телодвижения безо всякой реальной сути, но поляки хотели им верить.

Пусть Сталин и не участвовал в военных акциях Гитлера, подписанная в Москве сделка с Берлином позволила и Советскому Союзу извлечь выгоду из нацистской агрессии. С 23 августа мир наблюдал, как Третий рейх и СССР действуют заодно — два близнеца, два лика тоталитаризма. Поскольку, когда глобальное противостояние в 1945 г. завершилось, Россия находилась в лагере союзников, некоторые историки приняли послевоенную советскую концепцию, согласно которой до 1941 г. СССР оставался нейтральной державой. Это неверно. Сталин боялся Гитлера и понимал, что рано или поздно столкновения с ним не избежать, но в 1939 г. он принял историческое решение поддержать германскую агрессию в обмен на предложенное нацистами расширение территории Советского Союза. Какие бы извинения ни изобретал впоследствии советский руководитель, пусть его войска никогда не сражались бок о бок с вермахтом, советско-германский договор положил начало сотрудничеству, которое продолжалось, пока Гитлер не обнаружил своих истинных намерений, приступив к операции Barbarossa.

Подписанное в Москве соглашение о ненападении и последовавший за ним 28 сентября Договор о дружбе и границах обязывали двух тиранов поддерживать амбиции друг друга и отказаться от взаимной вражды, чтобы направить свою агрессию в иное русло. Сталин поощрял экспансию Гитлера на Запад и снабжал Германию необходимыми ресурсами: нефтью, зерном, рудой. Нацисты (тая обман) предоставили Советскому Союзу свободу действий на Востоке: гитлеровский союзник рассчитывал заполучить восточную часть Финляндии, государства Прибалтики и свою долю в расчлененном трупe Польши.

Гитлер планировал начало Второй мировой войны на 26 августа, выждав лишь три дня после подписания пакта, но 25 августа, распорядившись продолжать мобилизацию, он все же отложил вторжение в Польшу, поскольку, во-первых, к своему огорчению, убедился, что Муссолини не готов сразу же поддержать его, а во-вторых, по дипломатическим каналам пришло предостережение: Британия и Франция

готовы выполнить свои обещания и заступиться за Польшу. Три миллиона человек, 400 000 лошадей, 200 000 машин и 5000 поездов уже направлялись к польской границе, пока Берлин, Лондон и Париж еще вели последние, бесполезные переговоры. Наконец, 30 августа Гитлер отдал приказ атаковать. На следующий день в 20:00 занавес взвился над первым, достаточно грубым актом пьесы. Штурмбаннфюрер Альфред Науйокс из немецкой службы безопасности возглавил постановочное нападение на немецкую радиостанцию в Глейвице (Верхняя Силезия). В составе группы были одетые в польскую форму немцы и с дюжину приговоренных к казни уголовников, пренебрежительно именуемых «консервами». Прозвучали выстрелы, по радио были провозглашены лозунги «польских патриотов», а затем нападавшие отступили, оставив «консервы» — их, одетых в польскую форму, расстреляли эсэсовские автоматчики и продемонстрировали окровавленные трупы иностранным корреспондентам в доказательство польской агрессии.

1 сентября в 02:00 Первый конный полк вермахта в числе многих других был разбужен на бивуаке зовом трубы (некоторые германские соединения и многие польские в ту пору еще сражались верхом). Взнуздали коней, всадники вскочили в седло и двинулись к передовой посреди грохочущих колонн танков, грузовиков и пушек. Прозвучал приказ: «Расчехлить ружья! Заряжай! Взвести курки!» В 04:40 пушки старого германского боевого корабля Schleswig-Holstein, стоявшего на якоре в порту Данцига (то был «визит доброй воли»), открыли огонь по польской крепости Вестерплатте. Часом позже немецкие солдаты свалили пограничные шлагбаумы на западной границе Польши, открыв передовым частям армии вторжения путь в Польшу. Один из военачальников, генерал Хайнц Гудериан, вскоре проехал мимо родового поместья своей семьи в Хелмно (Кульм), где вырос и он сам (до Версальского договора эта территория принадлежала Германии). Вильгельм Пруллер выразил обуявший германскую армию восторг: «Какое дивное чувство — быть теперь немцем! Мы перешли границу. Германия, Германия превыше всего! Немецкий вермахт на марше. Куда ни глянь — вперед, назад, вправо или влево — повсюду моторизованный вермахт!»⁸

Западные союзники тешили себя мыслью, что Польша обладает четвертой по величине армией в Европе, и рассчитывали на затяжные сражения. Поляки могли выставить 1,3 млн бойцов против 1,5 млн немцев, на каждой стороне сражалось по 37 дивизий. Однако вермахт был намного лучше укомплектован: только бронемашин у него имелось 3600 против 750 польских, 1929 современных самолетов, а у поляков 900 морально устаревших. С марта в Польше начался призыв

резервистов, но от полномасштабной мобилизации правительство воздерживалось по просьбе англичан и французов: мол, не следует провоцировать Гитлера. Нападение 1 сентября застало страну врасплох. Польский дипломат так описывал настроения в Польше: «Всех объединяло желание сопротивляться, но не прозвучало ясной идеи, какого рода может быть это сопротивление, разве что болтали о надобности в добровольцах — “живых торпедах”»⁹.

Эфраим Блейхман, шестнадцатилетний еврей из Каменки, в числе тысяч других местных жителей слушал на городской площади речь мэра: «Мы спели гимн, провозглашавший, что Польша еще не погибла, и другую песню — о том, что немцы не плюнут нам в лицо»¹⁰. Петр Тарчинский, двадцатилетний заводской служащий, перед мобилизацией тяжело заболел. Он еще не вполне оправился, но, когда сообщил об этом командующему артиллерийской батареей, к которой был приписан, полковник ответил пламенной патриотической речью «и сказал мне, что, как только я сяду в седло, я непременно почувствую себя намного лучше»¹¹. Оружия не хватало, Тарчинский винтовки не получил, зато ему выдали строевого коня — здорового жеребца по кличке Вояк.

Инструктор ВВС Витольд Урбанович проводил учебный полет в небе над Демблином, как вдруг, к его ужасу, в крыльях самолета появились дыры. Он поспешно приземлился. Товарищ подбежал к нему, восклицая: «Витольд, ты жив? Тебя не задел?» «Что за чертовщина творится?» — спросил Урбанович, и приятель посоветовал ему: «Сходи в церковь и поставь свечку. Тебя только что атаковал “Мессер”!»¹². Беззащитность польских воздушных границ была совершенно очевидна. Пилот-истребитель Францишек Корницкий участвовал в боях дважды — 1 и 2 сентября. В первый раз он погнался за немецким самолетом, но тот легко ушел от преследования, во второй раз заклинило пулеметы, Корницкий отвернул, поправил пулеметную ленту и хотел снова вступить в бой, но на крутом вираже удерживавший пилота в открытом кокпите ремень безопасности отстегнулся, летчик вывалился и поневоле вынужден был спуститься с парашютом¹³.

В 17:00 у деревни Кроянты польский отряд уланов получил приказ атаковать противника, чтобы прикрыть отступление пехоты. Уланы построились и обнажили сабли. Адъютант, капитан Годлевский, посоветовал хотя бы идти в бой пешими, но командир, полковник Масталек, отвечал сквозь стиснутые зубы: «Молодой человек, я сумею исполнить неисполнимый приказ!» Пригнувшись к шеям своих коней, 250 всадников помчались через открытое поле. Немецкая пехота поспешно отступила с их пути, но за рядами пехоты стояли бронемашины, откуда по уланам

открыли пулеметный огонь. Лошади десятками валились наземь, другие кинулись в сторону, лишившись всадников. Через несколько минут половина кавалеристов погибла, в том числе и полковник Масталей. Уцелевшие улепетывали во весь дух — беспомощный пережиток ушедшей эпохи.

Генеральный штаб Франции советовал полякам сконцентрировать все силы позади трех крупных рек в глубине страны, но польское правительство непременно желало оборонять всю 1400-километровую границу с Германией, отчасти и потому, что на западе находились почти все заводы. Таким образом, на дивизию средней численностью около 15 000 человек возлагалась обязанность держать фронт длиной 30 км, в то время как сил у них хватало едва на 5–6 км. Немецкие войска хлынули в страну одновременно с севера, юга и запада, сметая неэффективную оборону, разрывая связи между отдельными частями поляков. Немецкий воздушный флот поддерживал с неба продвижение танков, успевая обрушить сокрушительные бомбовые удары на Варшаву, Лодзь, Демблин и Сандомир.

Поляки, военные и гражданские погибали под не различающими чина и звания бомбами. Поначалу мало кто вполне сознавал опасность. После первого налета Виргилия, американская супруга польского аристократа князя Павла Сапег, подбадривала домочадцев: «Вы же видите, ничего страшного: эти бомбы больше лают, чем кусают». Когда в парк усадьбы семейства Сморгчевских под Тарногорой в ночь на 1 сентября упали две бомбы, мать вытащила из постели двух мальчишек, Ральфа и Марка, и повела их прятаться в лес вместе с другими детьми. «Оправившись от первоначального шока, — писал впоследствии Ральф, — мы глянули друг на друга и не смогли удержаться от смеха. То-то видок у нас был: куча малолеток, кто в пижаме, кто в пальто, накинутом поверх подштанников. Торчали, сами не зная зачем, под деревьями, кое-кто пытался натянуть противогаз. Мы развернулись и пошли домой»¹⁴.

Но вскоре им стало не до смеха: польский народ вполне ощутил на себе убийственную мощь немецких ВВС. «Меня разбудили вой сирен и грохот взрывов, — писал находившийся в тот момент в Варшаве дипломат Адам Кручеквич. — Я увидел за окном немецкие самолеты, планировавшие на невероятно низкой высоте и бросавшие бомбы, куда им вздумается. С крыш нескольких домов без толку палили из пулеметов, но ни один польский истребитель не поднялся в воздух. Горожане были потрясены: у них нет никакой защиты с воздуха. Какое горькое разочарование!»¹⁵ Рано утром на город Лук упала дюжина немецких бомб, погибли десятки людей, в том числе спешившие в школу дети.

Беспомощные жертвы прозвали безоблачное сентябрьское небо проклятием Польши. Пилот Б. Солак писал: «Воздух над нашим городом наполнился вонью пожаров и темно-коричневым дымом». Он спрятал свой безоружный самолет за деревьями и поехал домой. На дороге ему встретился крестьянин, тот «вел лошадь, чье бедро запеклось густой кровью. Лошадь на каждом шагу тыкалась мордой в землю, содрогаясь от боли». Молодой авиатор спросил крестьянина, куда тот ведет животное (лошадь была ранена осколком снаряда с пикирующего бомбардировщика Stuka). «В город, в ветеринарную клинику». — «Но до города еще шесть с лишним километров!» Крестьянин только плечами пожал: «У меня всего одна лошадь»¹⁶.

Происходили тысячи таких больших и малых трагедий. Артиллерийская батарея, где служил лейтенант Петр Тарчинский, продвигалась к полю боя. Налетели Stuka; всадники соскочили с коней, падали ничком. Самолеты сбросили несколько бомб, поразили сколько-то людей и лошадей. Они улетели, всадники вновь сели в седло и двинулись дальше. «Мы увидели двух женщин средних лет и совсем девочку, они несли короткую стремянку. На этих носилках распростерся мужчина, раненный осколком, но еще живой, он хватался обеими руками за низ живота. Когда они проходили мимо нас, я увидел, как его кишки волочатся по земле»¹⁷. Владислав Андерс в Первую мировую войну сражался в российской армии под командованием царского генерала с экзотическим титулом хан Нахичеванский. Теперь он возглавлял польскую кавалерийскую бригаду. На глазах Андерса учительница вела группку учеников к лесу, надеясь укрыться с ними под деревьями. «Послышался рев самолета. Пилот кружил, спускаясь до высоты пятьдесят метров. Он сбросил бомбы, застрочил из пулемета, дети воробушками прыснули во все стороны. Самолет скрылся так же быстро, как появился, а на поле остались лежать смятые, безжизненные кучки пестрой одежды. Стало ясно, чем эта война отличается от всех прежних»¹⁸.

Тринадцатилетний Георг Шлонзак ехал в поезде вместе с друзьями, возвращавшимися в Лодзь из летнего лагеря. Внезапно раздался взрыв, вопли, поезд резко остановился. Вожатый прикрикнул на ребят: «Всем немедленно выйти из поезда и бежать в лес!» Там, в лесу, они пролежали с полчаса, напуганные до смерти, дожидаясь, пока прекратится бомбардировка. Выбравшись из укрытия, они увидели в нескольких сотнях метров от своего поезда полыхающий поезд с солдатами — по нему-то и ударили германские бомбардировщики. При виде убитых и изувеченных соотечественников многие мальчики расплакались. В поезд им сразу вернуться не удалось — вновь налетели немецкие самолеты, поливая

всех пулеметным огнем. Когда все же удалось тронуться в путь, ехали они в изрешеченных пулями вагонах. Вернувшись домой, Георг застал мать в слезах возле радио: передавали, что немцы наступают.

Пилот Францишек Корницкий навесил раненого товарища в госпитале города Лодзь: «Жуткое место, раненые и умирающие лежали повсюду, кто на койках, кто на кроватях, и в палатах, и в коридорах, одни стонали в агонии, другие лежали молча, закрыв глаза или широко их открыв, еще на что-то надеясь»¹⁹. Генерал Адриан Картон де Виарт, глава британской миссии в Польше, с горечью писал: «Я видел, как изменился сам характер войны, честь и слава отошли от нее, уже не солдат рискует жизнью в бою, но гибнут женщины и дети»²⁰.

* * *

В воскресенье, 3 сентября Британия и Франция объявили Германии войну во исполнение данных Польше обещаний. Альянс Сталина с Гитлером побудил многих европейских коммунистов, прислушивавшихся к приказам из Москвы, выступить против решения собственных правительств. Профсоюзы объявили войну с нацизмом «империалистической», и это настроение сказалось на многих французских и британских заводах, верфях, угольных рудниках. Появлялись уличные граффити: «Остановите войну! За нее расплачивается рабочий», «Нет капиталистической войне». Независимый депутат-лейборист Эньюрин Бивен, знаменосец левых, подстраховался, призвав бороться разом на обоих фронтах: и против Гитлера, и против британского капитализма.

Секретные протоколы советско-германского пакта с предполагаемым разделом территорий оставались неизвестны Западу вплоть до того момента, когда в 1945 г. были захвачены немецкие архивы. И все же в сентябре 1939 г. для многих европейцев Россия и Германия были двумя ликами одного врага. Писатель Ивлин Во устами своего двойника Гая Краучбека выразил мнение большинства европейских консерваторов: «Сделка Сталина с Гитлером, эта весть, которая потрясла политиков и юных поэтов в дюжине столиц, принесла мир и покой сердцу англичанина: враг обнажил свое лицо, сбросил все маски и предстал уродливой громадой. Восстал Современный век»²¹. Некоторые политики пытались все же внести раскол между Россией и Германией, привлечь Сталина на свою сторону и с его помощью одолеть большее зло — Гитлера, однако вплоть до июня 1941 г. такая надежда казалась несбыточной: две диктатуры выступали заодно против всех демократических стран.

Гитлер не ожидал, что Британия и Франция объявят ему войну. Годом ранее они спокойно позволили ему аннексировать Чехословакию;

ресурсами для прямой военной помощи Польше французы и англичане не располагали — стало быть, не имели ни сил, ни желания противодействовать агрессору. Сам Гитлер не слишком испугался демарша Британии и Франции, но некоторые из его ближайших сподвижников струхнули не на шутку. Шеф авиации Геринг, не владея собой, орал по телефону на министра иностранных дел Риббентропа: «Доигрались, на хрен, до войны! Это вы во всем виноваты!» Гитлер старался привить германской армии страсть к воинской славе, и молодежь откликалась на этот призыв, но старшее поколение в 1939 г. проявляло куда меньший энтузиазм, чем в 1914 г.: слишком памятливы были и ужасы войны, и позор поражения. «Эта война надвинулась ниоткуда, словно призрак, — писал граф Гельмут фон Мольтке, офицер абвера и решительный противник гитлеровского режима. — Народ ее не поддерживает. Люди в апатии. Этот *danse macabre* исполняют перед нами какие-то неведомые люди»²².

Корреспондент американского канала CBS Уильям Ширер 3 сентября сообщал из столицы Германии: «Здесь не ощущается возбуждения, не слышно криков “ура!”, не швыряют под ноги солдатам цветы. Немецкий народ глядит сегодня гораздо угрюмее, чем день-два назад»²³. Александр Штальберг, проезжавший со своим армейским подразделением через Штеттин по направлению к польской границе, увидел то же, что и Ширер: «Ничего общего с бодрым духом 1914 г., ни приветственных криков, ни цветов»²⁴. Австрийский писатель Стефан Цвейг имел тому и объяснение: «Все было иначе, потому что мир 1939 г. уже не был детски наивен, как в 1914 г. По всей Европе исчезла без следа набожная вера в честность или по крайней мере в компетентность национального правительства»²⁵.

И все же многие немцы разделяли мнение Фрица Мюльбаха, функционера нацистской партии: «Я воспринял декларацию войны как пустую формальность со стороны Англии и Франции. Как только они осознают полную обреченность польского сопротивления и несравненное превосходство германского оружия, они поймут, что мы с самого начала были правы и им не следовало вмешиваться. Война их никак не затрагивала, и оставайся Польша в одиночестве, она бы тихо и покорно сдалась»²⁶.

Союзники же рассчитывали, что достаточно будет объявить войну, чтобы сорвать блеф Гитлера, спровоцировать его ниспровержение и все уладить, избежав катастрофического вооруженного конфликта в сердце Европы. На трагедию Польши Франция и Англия реагировали эгоистически, блюдя в первую очередь собственный интерес. Французский главнокомандующий Морис Гамелен еще в июле делился мнением с британским коллегой: «Мы, безусловно, заинтересованы в том, чтобы конфликт

начался на Востоке и распространялся лишь весьма постепенно. Таким образом мы выиграем достаточно времени для мобилизации французской и британской армии». Член парламента от консерваторов Катберт Хедлэм желчно записывает в свой дневник под датой 2 сентября: поляки «сами виноваты в том, что обрушится на них теперь»²⁷. Смешанные чувства вызвал в Британии и прозвучавший сразу после выступления по радио премьер-министра Невилла Чемберлена, объявившего о вступлении в войну, сигнал воздушной тревоги. «Мама очень встревожилась, — писал девятнадцатилетний лондонский студент Дж. Фрайер. — Кое-кто из соседок прямо возле радио грохнулся в обморок, другие выбежали на дорогу. Разговоры: “Не бегите в убежище, пока не услышите выстрелы”. “Аэростаты противовоздушной обороны еще даже не приведены в действие”. “Сволочь, он выслал против нас самолеты еще до того, как истек срок ультиматума”». После отбоя тревоги «все тут же вернулись к дому, нервозно переговариваясь. Надеются на революцию в Германии... Самое странное чувство сегодня было — желание, чтобы что-то наконец произошло. Увидеть, как налетят самолеты и сработает оборона. На самом деле я не хочу видеть, как падают бомбы и гибнут люди, но раз уж мы вступили в войну, хочется, чтобы мы что-то делали по-настоящему. А так это затянется бог знает насколько»²⁸. Нетерпение, нежелание затягивать борьбу надолго было, по-видимому, общим чувством.

В дальних африканских колониях молодые люди при известии о войне спешили укрыться в буше: они опасались, что британское правительство, как и в Первую мировую, мобилизует их на принудительные работы — и так оно и произошло. Кениец Джозайя Маруки запомнил «страшные слухи: Гитлер идет нас всех перебить. Люди в ужасе бежали к реке, копали на берегу землянки, чтобы спрятаться от солдат»²⁹. Британские генералы сознавали неготовность армии к большому сражению, но молодежь все еще была настолько наивна, что радовалась возможности принять участие в боевых действиях и выдвинуться. «Мы все взволновались и развеселились, — писал Джон Льюис из Камеронского полка. — Гитлер был карикатурной фигурой, новостные ролики с марширующими гусиным шагом немцами вызывали дружный смех... Они только и способны, что бомбить незащищенные города Испании. Танки у них — пугала, сделанные из фанеры. Двадцать лет назад мы побили немцев, когда те были намного сильнее. А теперь мы стали величайшей в мире империей»³⁰.

Мало кто мыслил столь трезво, как лейтенант Дэвид Фрэйзер из гвардейского гренадерского полка. Тот резко замечал: «Отношение британцев

к началу конфликта определялось основными изъянами их психики — слабостью интеллекта и склонностью принимать желаемое за действительное... Жители демократических стран убеждали себя, что в этой войне добро противостоит злу, снаряжались в крестовый поход. Это настроение и раздуваемые правительством этические и идеологические страсти мешали воспринимать войну хладнокровно, как “продолжение политики” — так ее назвал Клаузевиц: действие, направленное на четкую и достижимую цель»³¹.

Британские пилоты предчувствовали свою злую участь. Офицер Дональд Дэвис писал: «Был чудесный осенний день, я проезжал мимо до боли знакомых мест — Уиттенхэм Клампс, Чилтерн Хиллз — и думал, что недели через три вполне могу быть мертв. Я остановился полюбоваться пейзажем и поразмыслить. Я понял, что, если бы имел возможность вновь сделать тот же выбор, я бы все равно постарался попасть в авиацию»³². Ровесников Дэвиса по всему миру возможность служить в воздушных войсках очаровывала настолько, что они готовы были ежедневно рисковать жизнью ради такой привилегии.

В Вестминстере один из британских министров со снисходительностью гиппопотама приветствовал польского посла: «Повезло же вам! Полгода назад вы бы и не надеялись на помощь Британии!»³³ В Польше известие о том, что Британия и Франция вступили в войну, вызвало прилив надежды, тем более что союзники не жалели громких слов. Варшавяне обнимались на улице, пускались в пляс, плакали, гудели автомобили. Перед зданием британского посольства на Уяздовской аллее собралась толпа, люди кричали, пели, попытались исполнить британский гимн «Боже, храни короля». Посол, сэр Говард Кеннард, прокричал с балкона: «Да здравствует Польша! Мы будем бок о бок сражаться против агрессии и несправедливости!»

Такие же бурные сцены происходили возле французского посольства с той разницей, что там поляки пели «Марсельезу». В тот вечер в Варшаве правительственный бюллетень с торжеством возвещал: «Польские кавалерийские соединения прорвали линию немецкой бронепехоты и вторглись в Восточную Пруссию». По всей Европе многие противники нацизма на миг поддались счастливой иллюзии. Михаилу Себастиану, румынскому писателю, еврею, был тогда 31 год. 4 сентября, узнав, что Британия и Франция объявили о вступлении в войну, он удивлялся лишь тому, что они сразу же не начали наступление с Запада. «Чего они ждут? Возможно ли (как некоторые думают), что Гитлер сразу же падет, его сменит правительство военных, которое поспешит заключить мир? Не произойдут ли радикальные перемены и в Италии? Как поведет себя

Россия? Что станет с осью — и Рим, и Берлин помалкивают насчет взаимных обязательств. Тысячи вопросов не дают перевести дух»³⁴. Чтобы хоть немного успокоиться, Себастиан решил почитать Достоевского, а затем Томаса де Квинси в подлиннике.

7 сентября десять французских дивизий осторожно пересекли границу с немецким Саарским регионом. Они углубились на вражескую территорию всего на 8 км и остановились: на том и исчерпалась демонстрация сил в защиту Польши. Гамелен полагал, что поляки сумеют сдерживать немецкое наступление, пока французы осуществляют свою программу перевооружения. Постепенно народ Польши начал понимать: его бросили погибать в одиночку. Стефан Стажинский, некогда солдат Легиона Пилсудского, а с 1934 г. — любимый варшавянами мэр, славился в том числе и тем, что засадил свой город цветами. Теперь он ежедневно выступал по радио перед горожанами, страстно обличая варварство нацистов. Он формировал спасательные батальоны, призывал тысячи добровольцев рыть окопы, подбадривал жертв бомбежек — вскоре они уже исчислялись тысячами. Многие варшавяне бежали на восток, зажиточные люди променяли автомобили, которые нигде не удавалось заправить бензином, на повозки и велосипеды. Шестнадцатилетний еврей Эфраим Блейхман смотрел вслед колонне беженцев — своих соплеменников, растянувшейся по шоссе, уводившему прочь из Варшавы. Он еще не понимал, какой губительной опасности подвергаются именно евреи: хотя антисемитизм и свирепствовал в Польше, «худшее, что я испытал до тех пор на себе, — дразнилки»³⁵.

Единственное, что препятствовало неуклонному продвижению немцев, — и люди, и лошади падали от усталости. Младший капрал кавалерии Хорнс заметил, как то и дело спотыкается под ним боевой жеребец Герцог. «Я обратился к командующему отделением: “Герцог выбился из сил!” И едва я произнес эти слова, несчастное животное рухнуло на колени. Мы прошли 70 км в первый день, 60 км во второй, немалый путь по горам, и передовой патруль порой ударялся в галоп... Иными словами, за три дня без передышки проскакали без малого 200 км. Уже давно настала ночь, а мы все ехали»³⁶.

С каждым днем умножались кошмары блицкрига. Варшавское радио все еще играло «Военный полонез» Шопена, а немецкие бомбардировщики и тысяча артиллерийских орудий обрушивали на польскую столицу по 30 000 снарядов в день, повергая прекрасные здания в прах. «Наступила дивная польская осень, — записал в своем дневнике пилот истребителя Мирослав Фериц, ужасаясь этой зловещей иронии. — Черт бы побрал ее красоту»³⁷. Над столицей поднимались серый дым

и облако пыли. В руины обратились королевский замок, опера, государственный театр, десятки общественных зданий, тысячи жилых домов. Повсюду — на аллеях, в парках — виднелись еще не погребенные тела и самодельные могилы. Подвоз пищи прекратился, были отключены вода и электричество. Чуть ли не каждое окно зияло провалом, тротуары были усыпаны осколками стекла. К 7 сентября окружение сомкнулось вокруг столицы и ее 120 000 защитников, а польская армия отступила на восток. Главнокомандующий маршал Эдвард Рызд-Смиглы вместе со всем правительством бежал из Варшавы уже на второй день войны. Мгновенно рухнули коммуникации и система обеспечения армии. 6 сентября почти без боя сдался Краков, 13 сентября пала Гдыня, хотя ее морская база продержалась еще неделю.

Контратака восьми польских дивизий, перешедших 10 сентября реку Бзура западнее Варшавы, ненадолго остановила немецкое наступление. 1500 немцев попали в плен. Курт Мейер из полка SS Leibstandart с невольным уважением и вместе с тем не без снисходительности признавал: «Поляки бьются с невероятным упорством, вновь и вновь доказывая, как они умеют умирать». Вопреки распространенной легенде, польская кавалерия лишь дважды за всю кампанию бросалась на немецкие танки. Один эпизод пришелся в ночь на 11 сентября, когда эскадрон на всем скаку влетел в захваченную немцами деревню Калушин. Из восьмидесяти вступивших в бой всадников уцелело только тридцать три. Немцы же использовали свои конные войска для разведки и быстрого продвижения, а не для боя. Отделение, в котором служил младший капрал Хорнс, продвигалось колонной, выслав вперед двоих всадников — дозорные галопом неслись с холма на холм и оттуда подавали основным частям сигнал, что путь свободен. «Предосторожности ради по гребням холмов рассылались также одиночные всадники. И вдруг мы увидели, как из пыльного облака вырастают незнакомые нам фигуры: приземистые, проворные лошадки с качающимися головами, а на них польские уланы в униформе цвета хаки, длинные пики одним концом упираются в стремя, а другой конец задран к плечу всадника. Блестящие наконечники пик покачивались в такт грохоту копыт. Тут заработали наши пулеметы»³⁸.

Вермахт был по сравнению с противником намного лучше оснащен и вооружен. Небогатая Польша успела обзавестись всего несколькими тысячами грузовиков, военных и гражданских. Государственный бюджет всей страны был меньше, чем одного только города Берлина. Принимая в расчет, как мало было у поляков самолетов и насколько они были хуже немецких, удивительно, что этот поход обошелся Германии

в 560 самолетов. Лейтенант Петр Тарчинский попал со своей батареей под интенсивный обстрел в полутора километрах от реки Варта. Он был передовым наблюдателем, но телефон у него отключился, солдаты, высланные на рекогносцировку, возвратились ни с чем. Он не успел сделать ни единого залпа, как его уже окружили и взяли в плен немецкие пехотинцы. Как большинство людей, оказавшихся в подобном положении, Петр старался не пробуждать в своих стражах гнев. «Могу лишь сравнить свое положение с ситуацией человека, который внезапно оказался в окружении могущественных чужаков и полностью от них зависит. Конечно, мне бы следовало стыдиться своего поведения, понимаю». Его повели в плен, по пути Петр прошел мимо нескольких погибших соотечественников и инстинктивно поднял руку, приветствуя их военным салютом³⁹.

На фоне естественного народного гнева против захватчиков вспыхивали и сцены массового насилия, отнюдь не делавшие полякам чести. С первых дней сентября происходили массовые аресты этнических немцев и других предполагаемых или потенциальных «предателей». В Быдгоще в «кровавое воскресенье» 3 сентября перебили тысячу гражданских немцев, обвинив их в том, что они-де стреляли по польским войскам. Кое-кто из современных немецких историков полагает, что во время Польской кампании погибло до 13 000 этнических немцев, почти все — невинные жертвы. Эта цифра, скорее всего, завышена, однако убийства послужили предлогом для чудовищного систематического избиения поляков и в особенности польских евреев, которое началось сразу же после вторжения. В Оберзальцберге Гитлер заявил своим генералам: «Чингисхан по своему произволу и без малейшего сожаления убивал миллионы женщин и детей, а история запомнила его как основателя великого государства. Я послал на восток свои отряды “Мертвая голова” с приказом убивать без пощады мужчин, женщин и детей польского происхождения или говорящих по-польски. Только так мы сумеем отвоевать необходимое нам жизненное пространство».

Когда немецкие войска вошли в Лодзь, тринадцатилетний Георг Шлонзак был ошеломлен при виде того, как женщины бросали солдатам цветы, угощали их сладостями и сигаретами. Дети кричали «Хайль Гитлер». Шлонзак с изумлением писал: «Мальчики из нашей школы размахивали флагами со свастикой»⁴⁰. Эти люди, приветствовавшие германские войска, были польскими гражданами немецкого происхождения, и теперь они смогли воспользоваться своей родословной. Гебельсовская пропаганда надрывалась, стараясь убедить народ в правоте германского дела. 2 сентября нацистская газета *Völkischer Beobachter* возвестила

о вторжении под двухъярусным заголовком: «Фюрер призывает к борьбе за безопасность и права немцев». 6 сентября выступила *Lokal-Anzeiger*: «Зверская жестокость поляков — Убиты немецкие летчики — Нападение на колонну Красного Креста — Убиты медсестры». Несколько дней спустя *Deutsche Allgemeine Zeitung* опубликовала статью под сенсационным заголовком: «Поляки бомбят Варшаву». Сюжет излагался такой: «Польская артиллерия открыла огонь из всех орудий из восточной части Варшавы по нашим войскам, занявшим западную часть города». Немецкие новостные агентства клеймили польское сопротивление как «безумное и бессмысленное». Большинство молодых немцев, продукт нацистской образовательной системы, верило той версии событий, которую предлагало им руководство. «Наша армия непрерывным маршем продвигается к победе, — писал двадцатилетний выпускник летной школы. — При освобождении запуганных немецких жителей Польского коридора происходят душераздирающие сцены. С приходом наших войск вышли на свет чудовищные жестокости, преступления против всех законов человечности. Под Бромбергом* и Торном обнаружены массовые захоронения: тысячи немцев, убитых польскими коммунистами»⁴¹.

17 сентября, в тот самый день, когда поляки ожидали обещанного французами продвижения на Западном фронте, Советский Союз начал собственное вторжение, спеша обеспечить себе ту долю добычи, которую Гитлер выделил Сталину. Стефан Куриляк, тринадцатилетний поляк, живший в тихой украинской деревне возле русской границы, видел, как 17 сентября по пыльной главной улице пешком и верхом отступали разбитые польские части. Кто-то из солдат отчаянно кричал жителям: «Бегите, добрые люди, бегите, спасайтесь! Прячьтесь, куда сможете, они никого не щадят. Скорее! Русские идут!»⁴² И вскоре мальчик увидел, как через деревню мчится советский танковый отряд. Маленького ребенка, оказавшегося на пути армии и в испуге не сообразившего, куда деваться, преспокойно застрелили. Куриляк спрятался в яме для картофеля.

Советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов сообщил польскому послу в Москве, что Польское государство прекратило свое существование, а потому Красная армия вынуждена вмешаться и прийти на защиту соотечественникам, проживающим на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Немцы несколько растерялись от такой оперативности Советского Союза, хотя Гитлер и согласился заранее на аннексию восточной части страны Сталиным. Еще более растерялись поляки. «Красная армия ударила нам в тыл», — с горечью писал маршал

* Бромбергом по-немецки назывался Быдгощ. — *Прим. ред.*

Рыдз-Смиглы, и с этого момента оборона «превратилась не более чем в вооруженную демонстрацию против нового раздела Польши». Верховное командование вермахта, избегая даже случайного столкновения с русскими, поспешило провести демаркационную линию по рекам Сан, Висла и Нарев, а где немецкие войска успели продвинуться дальше этой границы, им было велено отойти.

Гитлер надеялся, что действия Сталина побудят союзников объявить войну русским, и в Лондоне в самом деле поднялись дискуссии, требуют ли обязательства Британии перед Польшей вступить в конфликт также и с этим врагом. В Кабинете военного времени учитывать такую возможность и хотя бы подготовиться к ней призывали только двое: Черчилль и военный министр Лесли Хор-Белиша. Британский посол сэр Уильям Сидс отозвался из Москвы: «Не вижу, какие преимущества могла бы принести нам война с Советским Союзом, хотя лично я с удовольствием явился бы с декларацией войны к Молотову». К немалому облегчению премьер-министра Невилла Чемберлена, Министерство иностранных дел сочло, что обязательства перед Польшей касаются только германской агрессии. Британские СМИ яростно нападали на Сталина, но о вооруженной схватке с ним больше не заговаривали. Французы также ограничились лишь выражением своего недовольствия. За несколько дней, потеряв всего 4000 человек, советские войска захватили около 200 000 км² территории, в том числе города Львов и Вильнюс. Под власть Сталина попали 5 млн поляков, 4,5 млн этнических украинцев, миллион белорусов и миллион евреев.

В Варшаве жители голодали, но все еще цеплялись за надежду, что с Запада придет помощь. Уполномоченный по гражданской обороне говорил знакомому: «Вы же знаете англичан: они долго раскачиваются, но они уже идут»⁴³. Пассивность так называемых союзников сначала сбивала миллионы поляков с толку, потом привела в ярость. Офицер, служивший в кавалерии, писал: «Мы гадали, что же происходит на Западе и когда перейдут к активным действиям французы и британцы. Мы не понимали, отчего наши союзники не спешат нам на помощь»⁴⁴. 20 сентября польский посол в Лондоне обратился по радио к соотечественникам: «Сограждане! Знайте, что ваши жертвы не напрасны, их смысл, их красноречивый язык явственно слышат здесь. Войска наших союзников уже готовятся к бою. Наступит день, когда победоносные штандарты возвратятся с чужбины в Польшу»⁴⁵. Но, даже произнося эти слова, граф Рачинский, как он признавался позднее, понимал, что это — лишь поэтическое преувеличение. Какие уж там союзнические войска!

думать. Ведь это первый в истории случай, когда уже после объявления войны миллионы людей на обеих сторонах продолжают надеяться, что столкновения удастся избежать»⁴⁷.

Французы вовсе не хотели переходить в наступление на линии Зигфрида, на чем настаивал Черчилль, и тем более не собирались бомбить Германию из опасения навлечь на себя месть немцев. Британское правительство также не отдавало ВВС приказа атаковать наземные цели на территории Германии. Член парламента от консерваторов Лео Эмери пренебрежительно писал о премьер-министре Невилле Чемберлене: «Он всей душой ненавидел войну и старался вести ее как можно меньше»⁴⁸. Передовицу *The Times* поляки вряд ли могли воспринять иначе, как насмешку над их несчастьем: «При виде агонии своей измученной страны жители Польши могут отчасти утешаться мыслью, что им принадлежит сочувствие и даже глубокое почтение не только союзников в Западной Европе, но и всех цивилизованных народов мира». Нередко высказывалось мнение, что в середине сентября 1939 г., когда большая часть немецкой армии была связана действиями в Польше, союзникам представлялась идеальная возможность для наступления с запада. Однако Франция была к подобному шагу не готова — скорее психологически, чем со стратегической точки зрения, — а Британский экспедиционный корпус, не слишком многочисленный и все еще не полностью переправленный на Континент*, мало что мог сделать. Немцы с легкостью отбили бы его атаку, даже не прерывая продвижение на восток. Бездеятельность британского и французского правительства соответствовала воле их народов. Секретарша из Глазго Пэм Эшфорд записывала в дневнике 7 сентября: «Практически все считают, что через три месяца война закончится... Многие думают, что, когда Польша будет разбита, не останется смысла продолжать войну»⁴⁹.

Поляки могли бы заранее предугадать пассивность союзников, но подобный цинизм ошеломлял. Современный историк Анджей Сухцич писал: «Польское правительство и польское командование стали жертвой обмана и предательства со стороны западных союзников. Никто и не пытался оказать Польше эффективную военную помощь». Варшава уже предвидела скорую гибель, и Стефан Стажинский обратился к горожанам по радио: «Судьбой нам назначен долг отстоять честь Польши». Спустя годы польский поэт превознес эту речь мэра, переведя ее на звучный эмоциональный язык стихов:

* Согласно британской традиции Континент — Западная Европа за исключением Британских островов. — *Прим. ред.*

В кровавой и чадной столице он говорил:
«Я не сдамся и пусть полыхают дома!»
Дело рук моих рушится в прах, и мечта
Похоронена будет. Но дети, вернувшись,
Признают: есть в мире такое, что стоит
Дороже прекраснейших стен городских⁵⁰.

Через три недели польское сопротивление было сломлено. Столица все еще не пала только потому, что немцы предпочитали сначала уничтожить ее, а затем овладеть руинами. Час за часом, день изо дня продолжались беспощадные воздушные налеты. Медсестра Ядвига Сосновская описывала сцены, происходившие в ее госпитале под Варшавой 25 сентября:

«Процессия раненых из города — бесконечный марш смерти. Свет отключился, врачи и сестры перемещались со свечами в руках. Операционная и перевязочная уничтожены бомбами, мы все делали в лекционных залах на обычных дощатых столах. Поскольку не хватало воды, мы не могли прокипятить инструменты и только протирали их спиртом. Человеческие обломки клали на этот импровизированный операционный стол, и хирург тщетно пытался спасти жизни, ускользавшие под его руками. Трагедия за трагедией. Привезли девушку шестнадцати лет — копна золотых волос, лицо нежное, как цветок, дивные сапфирово-синие глаза полны слез. Обе ее ноги до колен представляли собой кровавую кашу, где осколки костей не отличить от плоти, — пришлось ампутировать ей обе ноги выше колена. Пока хирург не начал, я склонилась над этим невинным ребенком, поцеловала ее в бледный лоб, погладила ее золотые волосы — а что еще я могла сделать? К утру она тихо скончалась — цветок, сорванный безжалостной рукой»⁵¹.

Понятно, что профессиональные военные не могут позволить себе сантименты по поводу ужасов войны, и все же потомство не оставит без осуждения тот оппортунизм, с каким германские генералы мирились с личностью своего фюрера и с тем чудовищным преступлением, в которое он их втянул. Генерал Эрих фон Манштейн считался одним из лучших немецких военачальников той эпохи, и впоследствии он с гордостью заявлял, что вел себя как офицер и джентльмен. Тем не менее его записи времен Польской кампании и позднее свидетельствуют о типичной для его касты бесчувственности. Сама по себе война вызвала у него

восторг: «Решение фюрера оказалось гениальным, мы видим, как реагируют западные державы. Его предложение решить польский вопрос было настолько уместным, что Англия и Франция, если бы они в самом деле хотели мира, должны были бы подтолкнуть Польшу к согласию». Вскоре после начала кампании Манштейн наведлся в отделение, которым недавно командовал: «Трогательно было видеть, как офицеры обрадовались при моем внезапном появлении. Кранц [его преемник] сказал мне, что командовать в боевой обстановке столь прекрасно вымуштрованной дивизией — одно удовольствие».

В письме жене Манштейн описывал свое житье-бытье во время кампании (он служил начальником штаба при фон Рундштедте, в группе армий Юг): «Я просыпаюсь в 6:30, бросаюсь в воду [поплавать], затем к 7:00 на службу. Утренние доклады, кофе, затем работа или поездки с Р [ундештедтом]. К середине дня прибывает полевая кухня, затем получасовой отдых. Вечером, после ужина, который мы, как и обед, едим вместе с офицерами генерального штаба, настает черед вечерних докладов, и так до 11:30»⁵².

Поразительный контраст между безмятежной жизнью генерального штаба и той страшной человеческой трагедией, которую порождали операции этого самого штаба. Манштейн подписал приказ окружить Варшаву и стрелять по каждому, кто попытается выйти из погибающего города: немцы сочли, что им легче будет принудить столицу к капитуляции и обойтись без уличных боев, если жители города не будут иметь возможности бежать от бомбежек. И при этом Манштейн отличался такой брезгливостью, что порой уходил с выступлений фон Рундштедта: начальник штаба позволял себе сквернословить. 25 сентября Манштейн, ошарашенный визитом и поздравлениями Гитлера, писал жене: «Приятно было смотреть на ликование солдат, когда мимо них проезжал фюрер»⁵³. Офицеры вермахта уже в 1939 г. сделались моральными банкротами, и этим будет определяться их поведение вплоть до 1945 г.

Польский кавалерист Клеменс Рудницкий описывал состояние своего полка и коней, еще недавно бывших украшением этой воинской части, на 27 сентября в Варшаве, в последнюю ночь перед капитуляцией: «Красные языки пламени освещали наших коней, которые неподвижно и тихо стояли под стенами парка Лазенки, более похожие на оседланные скелеты. Часть лошадей уже погибла, другие истекали кровью из огромных разверстых ран. Цензор Ковальского был еще жив, но валялся на земле со вспоротым животом. Давно ли он выиграл кубок армии в Тарнополье — наша радость и гордость! Выстрел в ухо положил конец его

мучениям. На следующий день какой-нибудь изголодавшийся бедолага, должно быть, срежет кусок мяса с его бедра»⁵⁴.

28 сентября Варшава капитулировала. Коротышка капитан Крыск, командовавший Третьим эскадронам, где служил Рудницкий, в первом порыве воскликнул, что не признает этот приказ: «Завтра утром мы атакуем немцев. Отстоим традицию нашего полка: Девятый уланский никогда не сдается»⁵⁵. От этой затеи Рудницкий его отговорил, зато офицеры полка спрятали знамена в церкви Св. Антония на Сенаторской улице, в единственном уцелевшем здании среди множества превратившихся в груды каменных осколков. Рудницкий с сожалением заметил, что польской армии следовало перейти к затяжной обороне, а не удерживать растянутую передовую линию, для которой не хватало людей. «Но это пришло бы в противоречие с нашим природным честолюбием, военными традициями и мечтой сделаться когда-нибудь великой державой»⁵⁶.

29 сентября армия Модлина сдалась к северу от Варшавы немцам, 30 000 поляков попали в плен. Организованное сопротивление шло на убыль, 1 октября пал полуостров Хель, последнее сражение произошло у Кока, к северу от Люблина, 5 октября. Сотни тысяч солдат оказались в руках у противника, гораздо большее их число пыталось спастись бегством. Молодой пилот Солак растрогался, увидев сидевшего под деревом полковника ВВС — слезы катились у старого офицера по щекам. Феликс Лахман, как и многие другие поляки, вспоминал недавно прочитанный роман «Унесенные ветром». Он бежал прочь от своего дома и говорил себе: «Имение Тара было разорено, однако Скарлетт О'Хара прошла сквозь огонь и воду, лишь бы вернуться в родные места, а мы навеки покидаем людей и предметы, составлявшие общественную, интеллектуальную и эмоциональную ткань нашей жизни. Мы уходим в пустоту, без цели»⁵⁷. После воздушного налета на город Кременец Адам Кручеквич видел, как бесновался на улице старый еврей: «Стоя над телом убитой супруги, он выкрикивал поток проклятий и богохульств: “Бога нет! Гитлер и его бомбы — вот боги! Нет в мире ни жалости, ни милосердия!”»⁵⁸

Небольшому кавалерийскому соединению поляков удалось ускользнуть в Венгрию, и там они сложили оружие. В казарме Третьего гусарского полка изнемогших беглецов приветствовали венгерские офицеры во главе с пожилым полковником фон Понграцем — все они были облачены в парадные мундиры. Через несколько дней, когда поляки отправлялись в лагерь военнопленных, ветеран со старомодными бакенбардами каждого обнял на прощание. Любезности уходящей эпохи: в том не знающем жалости мире, где очутились поляки, этому места уже не будет.

Генерал Владислав Андерс уводил свое потрепанное и измученное войско на восток, подальше от немцев. Всадники, пробиваясь на истощенных лошадях сквозь поток беженцев и дезертиров, все еще пели. Они встретили передовой отряд Красной армии, и Андерс послал в ближайший советский штаб парламентаря с просьбой пропустить их к венгерской границе. Парламентаря тут же ограбили и грозились расстрелять. Советские пушки начали обстреливать позиции поляков. Андерс велел своим людям рассыпаться и небольшими группами пробираться в Венгрию. Сам он, тяжело раненный, попал в плен в числе многих других. Советский офицер снисходительно пояснил ему: «Мы теперь с немцами добрые друзья. Вместе будем бороться против международного капитализма. Польша служила орудием в руках Англии и поплатилась за это»⁵⁹.

Регина Лемпицкая, как и сотни тысяч других поляков, в первые послевоенные месяцы была арестована русскими и сослана в Казахстан. В изгнании ее бабушка и маленькая племянница умерли от голода, брат — рядовой — был расстрелян. То, что пережила ее семья под властью Советов, было «чудовищным сном», писала она впоследствии. Когда красноармейцы вели группу польских солдат через пограничный мост, кто-то из пленников печально промолвил: «Мы уходим в Россию. Нам не суждено возвратиться». Тадеуш Жуковский писал: «С этой минуты все изменилось — другое небо, другая земля, другие люди. Странное чувство, как будто внутри тебя раскрылась темная щель, как будто ты расстался с жизнью, тебя низвергли в темную пещеру, в непроглядный сумрак подземных тоннелей»⁶⁰. Какая-то женщина сказала презрительно поляку, отправленному в ГУЛАГ: «Вы, поляки, паны-фашисты! В России вас научат работать. У вас тут будет достаточно сил, чтобы трудиться, но слишком мало, чтобы угнетать бедных!»⁶¹

Около 1,5 млн поляков, по большей части гражданских лиц, оставшиеся на захваченных восточных землях, были в последующие месяцы угнаны в Советский Союз, отправлены в заключение, обречены на муки голода; около 350 000 из них погибли. Угоняли целые семейства, но без мужчин — мужчин уничтожали на месте. 5 марта 1940 г. глава советской службы безопасности Лаврентий Берия направил Сталину меморандум на четырех страницах с предложением истребить польских штаб-офицеров и других лиц, занимавших заметное положение в обществе. Тех из них, что попали в советские лагеря, следует подвергнуть высшей мере наказания, настаивал Берия, то есть расстрелять. Сталин и другие члены Политбюро официально одобрили этот план обезглавить Польшу. За несколько недель по меньшей мере 25 000 поляков были убиты палачами НКВД в различных советских тюрьмах, каждого